

Л. Е. Бляхер

РЕГИОНАЛЬНОЕ «СВОЕОБРАЗИЕ» В РОССИИ И ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РЕГИОНА

НА ПРИМЕРЕ ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: регион, регионализм, дискурс, деконструкция, региональная повестка, миграция

Безъязыкий регионализм

¹ Это видно уже при самом поверхностном анализе сайта «Политическая регионалистика» (<http://www.regional-science.ru/>).

² Замятин 2006.

³ Туровский. 2006.

Региональные исследования сегодня не в чести. Их число, последовательно возраставшее до 2004 г., сегодня столь же последовательно снижается¹. Политологический анализ регионального пространства России, еще недавно расцветавший всеми цветами междисциплинарности, сегодня сузился до нескольких локальных направлений. Пожалуй, наиболее фундаментальными в этом плане остаются работы, выполненные в русле политической географии². Проблема образа региона, региональных границ и их концептуализации здесь выступает центральной.

Менее «региональными», да и менее фундаментальными, выглядят многочисленные электоральные исследования в регионах³. Причина проста. Эти исследования проектируются за пределами региона и ориентированы на анализ общих процессов. Соответственно, местное своеобразие, если таковое и отмечается, фигурирует там лишь в качестве одного из факторов, и не самого значимого. Не на нем сосредоточено внимание исследователя. В результате само политическое пространство, на котором разворачивается электоральное событие, предстает довольно случайным, в лучшем случае осмысляясь в терминах отсутствия (недостаточно развито, еще не сложилось и т.п.). Но, наверное, в самой сложной ситуации оказались те, кто пытался артикулировать региональное своеобразие как ключевой момент, независимую переменную, детерминирующую и образы пространства, и электоральное поведение населения.

В 1990-е годы политические различия в регионах России были не только значимыми, но и видимыми. Неформальные политические практики начали там обретать легальные формы презентации⁴. Правда, и тогда в регионалистике ощущался явный недостаток терминологии. Исследователям, даже наиболее талантливым, приходилось прибегать к сложным метафорам для иллюстрации регионального своеобразия⁵.

⁴ Люхтерхандт, Рыженков, Кузьмин 2001.

⁵ Гельман 2001.

В «нулевые» ситуация еще больше осложняется. Официально-легальная реальность российской политики становится все более гомогенной. «Региональные бароны», олицетворяющие и легализующие местные режимы, сходят со сцены. Неформальные же практики вытесняются из сферы наблюдаемого и артикулируемого.

Видимые различия 1990-х годов сходят на нет, отгесняются. Сокращается исследовательское пространство, где региональные исследования могут быть востребованы и профинансированы. По существу, это пространство задается либо местными правительствами (администрациями), либо научными (и не очень) фондами. В результате дискурс региональных исследований начинает усиленно подстраиваться под конъюнктуру федерального политического дискурса, на фоне которого местные особенности просто утрачиваются, не фиксируются⁶.

⁶ Ярулин (ред.)
2009.

Прежде всего это относится к исследованиям, проводимым по заказу или при поддержке местных администраций. Но не лучше обстоит дело и с исследованиями, финансируемыми фондами. Обилие международных научных фондов 1990-х годов, когда грантодателей было немногим меньше, чем грантополучателей, сменяется в «нулевые» резким преобладанием государственных фондов и программ, склонных поддерживать исследования, осуществленные в рамках того же официального дискурса. Но и международные фонды задают достаточно жесткую концептуальную рамку, в которую с большим трудом втискивается «разное» в политическом пространстве. Ведется напряженный поиск сложившихся или складывающихся институтов гражданского общества или проявлений гражданского активизма⁷.

⁷ Кабыткина 2005.

Возникает своего рода «заколдованный» дискурс, в рамках которого региональное своеобразие просто не может быть уловлено. Отсюда и отношение к констатации последнего как к некоей риторической фигуре, лишенной какого-либо рационального содержания.

Лишь в самые последние даже не годы, а месяцы региональная проблематика всплыла на поверхность в связи с выборами в Государственную Думу и протестами по поводу допущенных в ходе них нарушений. И результаты выборов, и реакция на них по регионам оказались настолько разными, что вновь актуализировали поиск языка описания этих различий. Причем языка, который позволил бы не только описать уникальный казус, но и сравнить его с иными, не менее уникальными, вывести, если угодно, теоретическую модель особенности российских регионов, столь явно ощущаемой, но слабо поддающейся анализу.

**Базовый концепт
регионального
дискурса:
миграция**

Путь к построению такой модели, на мой взгляд, открывает дискурс-анализ. Как и любое «социальное воображаемое»⁸, регион — продукт некоторого «проговаривания», некоторого дискурса, в том числе политического. Сам факт его выделения из политического пространства страны означает, что имеются определенные типы проговаривания, направленные на это выделение, — хотя бы сами наименования

⁸ Тейлор 2010.

регионов и признание каких-то из них донорами или реципиентами, успешными или не очень. Но выделение и язык описания регионального своеобразия не одно и то же, тем более что региональный дискурс, особенно в период построения «вертикали власти», нередко маскирует свои проблемы под проблемы, обозначенные в дискурсе общегосударственном⁹.

⁹ Калугина 2010.

Однако само то, что в слова, сформулированные во внешнем сообществе, региональные артикуляторы общественных настроений (от политических деятелей до журналистов и далее) стремились вложить региональное содержание, меняет структуру дискурса. Дискурс становится «двухголосым» (в терминологии М.М.Бахтина)¹⁰.

¹⁰ Бахтин 1979.

Из сугубо филологических и культурологических работ Бахтина эксплицируется трехчастная модель функционирования социальных смыслов. Ее элементами выступают авторитарное, внутренне убедительное и «мое» слово¹¹.

¹¹ Подробнее см. Бляхер 2005.

Авторитарное слово — это мир «оговоренных», общих, а потому «чужих» социальных и политических форм. Это слово не изобретается, а извлекается из официального дискурса. Оно обращено к агенту из прошлого, и тому остается только внимать ему. Авторитарное слово нельзя ассимилировать, переломить своими интенциями, им нельзя обладать. Оно требует отношения к себе как к целому. «По частям» авторитарность не функционирует. Это абсолютно чужое слово, застывшее и окостеневшее. К частным случаям авторитарности относятся авторитарность как таковая, традиционность, общепризнанность, официальная социальность. Конституирующий признак авторитарности — дистанцированность. Можно сколько угодно окружать это слово и панегирическими, и хулительными контекстами, оно не становится менее авторитарным. В речи и в поступке оно присутствует как чужеродное тело, не допускающее к себе фамильярного отношения, парафраза, игры.

Чужеродность авторитарности зачастую усугубляется ее реальной иноязычностью: латынь — в Западной Европе, старославянский — на Руси, санскрит — в Индии и т.д. У очень многих «молодых» народов, вышедших на историческую сцену в нашей эре, мы находим *предданный* иноязычный авторитет, в немалой степени определяющий их культурный облик и историческую судьбу.

Другим вариантом бытия социальных, в том числе политических, смыслов является внутренне убедительное слово. Оно теснейшим образом смыкается, сплетается с «моим» словом, иногда заменяя его. Внутренне убедительное слово, в отличие от авторитарного, принципиально не завершено, открыто. Из комплекса внутренне убедительных слов постепенно формируется «мое» слово.

Если авторитарное слово значимо по определению, то внутренне убедительное человек постоянно подвергает проверке на истинность, определяет границы его применимости к своей уникальной реальности. Цель этого процесса — или признать внутренне убедительное слово

в качестве своего, или отвергнуть, вытеснить как чужое. Но вытеснение внутренне убедительного слова не означает удаления его из социальной реальности. Напротив, человек продолжает беседовать с ним как с чужим, некогда значимым для него и по-прежнему значимым для других. Он знает о его наличии и, следовательно, может заключить с ним некий «договор», обозначить принципы взаимодействия (типа принципов взаимодействия сказочного героя и тридцатого царства или принципов мирного сосуществования государств с различным общественным строем). Через чужое он определяет себя. Внутренне же убедительное слово как таковое определяется через речь, определяя собой «области доверия» человека, его ориентиры и авторитеты.

Водоразделом между авторитарным и внутренне убедительным словом служит отношение «официальности». Авторитарное слово всегда официально. Оно поддерживается авторитетом социального института, срastaется с ним, задавая как его смыслы в социальной реальности, так и стратегии поведения, предписываемые им субъекту (агенту) общества. Внутренне убедительное слово может обладать, а может и не обладать официальным статусом.

В сосуществовании официальной и неофициальной сфер социального мира заключено важнейшее противоречие: чтобы официальная реальность стала действительной, авторитетной, она должна опираться на внутреннее, неофициальное признание (легитимность). В противном случае официальная сфера не столько представляет реальность, сколько «подставляет» нашему сознанию такие ее манифестации, которые уже (или еще) не имеют места. Смыслы рождаются в сфере неофициальной, но могут быть выражены лишь в формах, получивших официальное признание в обществе. Иначе они окажутся просто непонятными («бормотанием»). Однако если эти формы не соответствуют смыслам, то сами они становятся масками, скрывающими действительное положение дел.

Нечто подобное происходит и с региональным дискурсом. Его смысл укоренен одновременно и в дискурсивном пространстве страны, и в региональном пространстве. Представляется, что, исследовав содержание, вкладываемое в различные концепты на региональном уровне, мы сможем уловить и те вытесненные из публичного и «оговоренного» пространства смыслы, которые концептуализируют местное территориальное сообщество. Ведь хотя сам набор концептов, репрезентирующих региональные проблемы, довольно ограничен, каждый раз при их употреблении в них всплывает «второй голос». Иначе говоря, наличие авторитарного (по Бахтину), всеобщего, внешнего пласта смыслов не только выступает «негативом», вытесняющим «местное» слово в пространство непоименованного, но и создает основания для сравнения. Ибо именно сквозь него по-разному прорываются региональные смыслы.

Среди «двухголосых» концептов современного российского внутриполитического дискурса, скрывающих в себе региональные смыслы, особого внимания, на мой взгляд, заслуживает концепт «миграция»,

вытеснивший более ранний концепт «межнациональные отношения». Дело в том, что в силу гигантской протяженности страны, ее социально-экономического, демографического и этнического разнообразия этот концепт и связанный с ним дискурс выступают репрезентантами очень разных явлений социальной и политической жизни.

¹² См. Григорьев, Осинников 2009.

¹³ <http://news.ngs.ru/more/84510/>.

Если для столичного региона это проблема этнической преступности, нелегальных мигрантов и инокультурных анклавов, не желающих поддерживать коммуникацию с автохтонным окружением¹², то, скажем, в Новосибирске, традиционном центре притяжения мигрантов из Центральной Азии, миграция выглядит и воспринимается совершенно иначе и встраивается не столько в культурный или политический, сколько в экономический контекст¹³. Мигранты из бывших советских республик Центральной Азии «чужими» здесь не являются. Они были всегда.

Чем дальше от центра на восток продвигается взгляд исследователя, тем более значимым выступает «китайский фактор», делающий большую часть «криминальных» и культурно-коммуникативных проблем случайными, второстепенными. В отличие от центрального региона, для Дальнего Востока гораздо важнее отток местного населения и замещение его иностранными работниками, да и не только работниками. Проблема миграции как отъезда «коренных жителей» и «китайской экспансии» фактически становится основной на дальневосточных землях России, из «кухонных разговоров» и академических проектов все больше выплескиваясь в публичную сферу.

Причина проста: местное население, как в начале 1990-х годов, начинает активно мигрировать из региона, и образующиеся пустоты заполняют выходцы из других стран, с иной культурой. И хотя необходимость их присутствия в регионе уже никем всерьез не оспаривается, осознание этого присутствия как проблемы остается, причем в разных слоях общества она осознается по-разному. Общий разброс взглядов — от острого переживания оттока населения из региона как жизненной катастрофы до восприятия рассматриваемого явления в качестве непреложной данности¹⁴.

¹⁴ См. Мотрич 1999: 63.

Пожалуй, наиболее ярко сама проблема и ее трансформация в восприятии различных социальных слоев проявляются в Еврейской автономной области. Вследствие малой территории и слабой заселенности, а также отсутствия крупных промышленных центров областное сообщество до самого недавнего времени отличалось достаточно устойчивыми связями, отчасти воспроизводящими архаические общинные отношения¹⁵. Наличие компактной массы трудовых мигрантов (почти 90% из них составляют граждане КНР) серьезно деструктурирует эти отношения, что делает переживание проблемы особенно острым, а значит, фиксируемым. Именно это и предопределило географические рамки представляемого ниже исследования.

¹⁵ Бляхер, Соловченков 2009.

Эмпирическим материалом для него послужили три серии неформализованных интервью, собранных С.А.Соловченковым, С.В.Мищук

и автором этих строк в 2008—2010 гг. 19 из них проводились по общему плану (биографические интервью), а 8 носили экспертный характер, но были связаны с осмыслением проблем миграции. В силу этого я считал возможным включить в анализ содержащуюся в них информацию.

По социальному составу респонденты делились на несколько групп. В группу «власть» (7 интервью, среди которых преобладали эксперты) вошли представители регионального правительства, работники миграционной службы, муниципальные служащие. В группу «бизнес» (8 интервью) — предприниматели, либо сами использующие иностранных рабочих, либо вынужденные конкурировать с теми, кто это делает. Наконец, работники тех сфер, где наиболее активно используются рабочие-мигранты, были отнесены к группе «сообщество» (12 интервью). Понятно, что названия групп достаточно условны. Однако само это деление отчетливо отразилось в позиции респондентов по отношению к иностранным мигрантам, в их видении ситуации. Это видение я и попытаюсь охарактеризовать в ходе дальнейшего изложения.

Но чтобы зафиксировать «региональные отклонения», «второй голос», необходимо обозначить «первый голос», то авторитарное слово, в рамках которого и презентуются местные особенности. В свое время мне уже приходилось писать об особенностях официального миграционного дискурса¹⁶. Воспроизведу здесь некоторые положения.

¹⁶ См. Бляхер, Григоричев 2011.

**Миграция:
колебания
официального
дискурса**

Распад СССР, резкое и исторически мгновенное изменение условий существования потребовали от молодого российского государства исполнения новых и непривычных функций. В сентябре 1991 г. на Съезде народных депутатов СССР была принята Декларация прав и свобод человека, где была официально провозглашена свобода перемещений. В ноябре того же года аналогичную Декларацию принял Верховный Совет РСФСР. В 1993 г. положения этих нормативных актов были закреплены в ст. 27 Конституции Российской Федерации и соответствующих федеральных законах. Появилась новая реальность — миграционные потоки.

Вполне естественно, что первоначально функции контроля над миграционными потоками были возложены на структуры исчезнувшей страны, выполнявшие в свое время сходные задачи. В том же 1993 г. из подразделений МВД, ранее отвечавших за максимальное прикрепление гражданина к месту проживания и обеспечивавших сохранение «железного занавеса», была создана паспортно-визовая служба. В новую службу вошли управления (отделы) виз, регистрации и паспортной работы, а также паспортные отделения (паспортные столы) и отделения (группы) виз и регистрации милиции.

В миграционной политике первых постсоветских лет материализовалось несколько не вполне согласующихся между собой интенций. Одна из них — это не слынувшее еще в первой половине 1990-х годов желание жить по нормам «цивилизованного мира», стремление инсти-

туционально закрепить свободу перемещений и падение «железного занавеса». Эта интенция и была воплощена в упомянутых выше декларациях и законах, авторы которых пытались максимально приблизить нормативную базу новой России к западным стандартам. Помимо свободы выезда за рубеж и возвращения назад, данные документы фиксировали право гражданина РФ свободно передвигаться по стране и выбирать место жительства. Аналогичным правом наделялись и граждане иных государств, прибывшие в Россию на законных основаниях.

Другая интенция проистекала из довольно широко распространенного восприятия России в качестве наследницы и правопреемницы Советского Союза и Российской империи. По мысли носителей подобных представлений, миллионы этнических русских и «русскоязычных», оказавшиеся после распада СССР за пределами России, должны были вернуться на историческую родину. В первые постсоветские годы движение переселенцев из некогда «братских» республик было достаточно активным¹⁷. Не менее мощными были потоки беженцев из «горячих точек» на территории бывшего СССР. Однако уже во второй половине 1990-х годов либеральная и объединительная идеологии начинают давать сбой.

¹⁷ Кирилова 2004: 139.

Они натолкнулись на идущие еще от советских времен и эпохи «московского снабжения» опасения жителей крупнейших мегаполисов страны, что «понаехавшие» иностранцы и провинциалы потребят блага, предназначенные для коренных жителей. Реальное снижение уровня жизни, зафиксированное в период, последовавший за развалом СССР, воспринималось многими как подтверждение справедливости таких опасений. На волне растущего недовольства мэрия Москвы, а вслед за ней и администрации других крупных городов стали вводить местные ограничения, препятствующие миграции. Инструментом этих ограничений были советские ведомственные инструкции, так и не отмененные новой властью.

Иная, но не менее напряженная ситуация складывалась в малых городах европейской России, куда устремились русскоязычные переселенцы из республик Средней Азии, Кавказа, отчасти Молдовы и Украины. Здесь срабатывал другой механизм. Один из постулатов культурной антропологии гласит: чужая культура всегда «грязная». За годы проживания в иной этнической среде «другие русские» приобрели множество бытовых черт, отличающихся от привычек и нравов жителей «коренной России»¹⁸. Нарастающее раздражение против пришлых вылилось в серию стычек и поджогов, постоянные придирки со стороны местных властей, а затем и ужесточение миграционного режима.

¹⁸ Кушлина 2000.

Орудием такого ужесточения стал институт регистрации, сохраненный, несмотря на его явное противоречие Конституции. Отсутствие регистрации лишало человека не только социального пакета, но и возможности трудоустройства и организации собственного дела¹⁹, было основанием для административного преследования, выселения и т.д. Используя регистрацию в качестве инструмента давления на мигрантов,

¹⁹ Баньковская 2004.

государство сумело практически остановить поток легально «возвращавшихся на родину» жителей ближнего зарубежья. Показательно, что все это происходило при горячем одобрении значительной части населения, фиксируемом в ходе массовых опросов²⁰.

²⁰ Гудков 2004: 280.

Русскоязычные переселенцы, беженцы из «горячих точек», еще немногочисленные трудовые мигранты и мелкие предприниматели из бывших союзных республик вытеснялись из легального правового поля. Не имея возможности получить работу на законных основаниях, они заполняли «нижние этажи» рынка труда или уходили в криминальные сферы. В этих условиях возникает и утверждается образ «преступного мигранта», носителя криминальных ценностей, глубоко чуждых коренным жителям страны. Параллельно начинается и соответствующее движение государственных служб²¹, чье стремление к тотальному контролю неожиданно совпадает с настроениями существенной части граждан, мечтающей об ужесточении миграционного законодательства. Интересно, что на сайте ФМС в качестве важного направления деятельности миграционных служб значилось «участие в борьбе с организованной преступностью»²², что весьма сильно расходилось с их официальными функциями, но вполне отвечало повседневному практикам.

²¹ Тюркин 2004.

²² <http://www.fms.gov.ru/about/history/details/38013/5>.

Во второй половине «нулевых» годов на фоне демографического спада в России полезность мигрантов была признана в качестве официальной нормы. Однако тема нелегальной и «криминальной» миграции продолжала муссироваться, отражая страхи и неприязнь к «другим» как местного населения, так и властных органов. В итоге сформировался достаточно устойчивый миграционный дискурс, который задавался государственными структурами и поддерживался федеральными СМИ.

Применительно к восточным регионам России описанные тенденции проявлялись в довольно специфической форме. Поток беженцев из бывших республик СССР в малой степени затронул эти территории. Те из граждан «новых независимых государств», которые все же решили направиться на восточную окраину, ориентировались не столько на формальные механизмы миграции, сколько на родственников и земляков, уже укорененных на ее землях. Численно эти потоки в 1990-е годы оставались незначительными, а возникшие общины, в отличие от западной части страны, были достаточно глубоко интегрированы в местный социум. Гораздо более значимыми были внутренние миграционные потоки (с востока на запад и с севера на юг) и внешняя миграция из сопредельного Китая²³.

²³ Гельбрас 1996.

Сразу отмечу, что в интервью с жителями ЕАО проблема миграции трактуется именно как «проблема китайцев». Иные коннотации требуют дополнительной актуализации, чтобы респондент соотнес их с концептом. Даже проблемы мигрантов из СНГ и оттока местного населения рассматриваются сквозь призму «китайской проблемы», и уже одно это создает предпосылки для экспликации регионального восприятия миграционной тематики.

**Дискурс
о миграции:
общее
и особенное...**

Общим моментом в подавляющем большинстве интервью выступает признание необходимости привлечения в область китайских рабочих. С этим согласны 25 из 27 респондентов. Без привлечения китайцев, считают они, остановится строительство, лесозаготовка, возникнут проблемы в сельском хозяйстве и службах ЖКХ. По словам респондентов, китайские рабочие трудолюбивы и непритязательны. В отличие от недавно появившихся в области гастарбайтеров из стран СНГ («безвизовых»), они дисциплинированы и соблюдают установленные нормы. Как заметил один из респондентов-предпринимателей, «с китайцами всегда можно договориться». Другими словами, никаких расхождений с федеральной точкой зрения в данном случае нет. Мигранты нужны экономике.

Однако сходство во взглядах на проблему этим, пожалуй, и ограничивается.

На официальном уровне, наиболее четко воспроизводящем инвариант, представители местной власти в принципе ее не фиксируют. Китайские рабочие приглашаются в соответствии с выделяемыми квотами. Они компенсируют недостаток трудовых ресурсов в области. При этом о «нелегальных мигрантах», то есть лицах, нелегально пересекших границу, сегодня речи не идет.

Иными словами, те проблемы, которые предполагает федеральный дискурс и за которые спрашивают с чиновников, отсутствуют. Значит, проблем просто нет. Правда, как признаются сами респонденты, существуют административные нарушения, когда иностранные граждане работают не на тех предприятиях, которые запросили квоту. Контроль здесь трудноосуществим («Кто их в тайге сосчитает?»). Этот пассаж, так или иначе присутствующий во всех интервью с представителями властных структур, позволяет, не выходя за рамки «правильного» дискурса, обозначить наличие «местных» проблем. Впрочем, эти проблемы вполне можно трактовать в духе «борьбы с нелегальной миграцией» — правда, борьбы ослабленной, не очень острой, поскольку и сама проблема не настолько остра. С точки зрения представителей региональной власти, напряжения на рынке труда области в связи с появлением китайских рабочих не возникает²⁴. Во-первых, их слишком мало для того, чтобы влиять на рынок труда. Во-вторых, они заполняют ниши, в которые граждане России не особенно стремятся.

При неформальной беседе отмечалось, что предприниматели часто предпочитают китайских рабочих местным, поскольку «китайцы не пьют и меньше возбуждают». Приведу типичную точку зрения: «Наши в селах уже давно спились, все пораспродали. Работать не хотят, да и не умеют уже. Китайцы здесь для нас как спасение какое-то. Они работают. Вот урожай сои у нас уже третий год растет. Это — китайцы» (работник областной администрации, 49 лет).

Вина за наличие административных нарушений, по мнению этой группы респондентов, лежит в первую очередь на предпринимателях, которые «заказывают» рабочих больше, чем им реально нужно. В результате те вынуждены устраиваться на другие производства, причем,

²⁴ Мищук 2010.

как правило, на основе устного найма, что существенно затрудняет контроль и уменьшает налоговые отчисления. Впрочем, часть вины за сложившуюся ситуацию респонденты из сферы государственного и муниципального управления возлагают на федеральные власти и проводимую ими политику.

При принятии в 2007 г. новой редакции Кодекса об административных правонарушениях, наряду с разумными изменениями, в нем появились положения, отражающие особенности миграционной ситуации в Европейской России, где преобладают трудовые мигранты из стран СНГ. Задача этих новаций — обеспечить легальный статус мигрантов, минимизировать возможность проникновения этнического криминала, интегрировать иностранных рабочих в принимающее сообщество, ратворить их в нем. Миграционные правовые акты в минимальной степени учитывают реалии Дальнего Востока, и особенно ЕАО. Ввиду абсолютного преобладания китайцев среди гастарбайтеров речь идет здесь, как считают респонденты, не столько о легальном статусе и противодействии криминалу, сколько о последовательной защите экономических интересов страны и ее граждан. Показательно, однако, что в рамках официального дискурса артикулировать соответствующую проблему оказывалось достаточно сложно. Констатировалось, что проблемы, не учитываемые Москвой, есть. Но как только звучала просьба их обозначить, коммуникация прерывалась или переходила в область абстрактных материй. *«Мы должны защищать целостность страны. Китайцы — реальная угроза. А как им противодействовать, если они ничего не нарушают?»* (работник областной администрации, 43 года).

Гораздо успешнее «местные проблемы» включались в официальный миграционный дискурс, когда была возможность сопоставить его с каким-то другим, пусть даже не менее официальным, например с социальным или экологическим. В этом случае на официальный миграционный текст накладывались иные типы текстов, в определенной степени деконструируя его. Собственно, подобная техника деконструкции и является для официального лица единственным способом артикулировать местные интересы без риска выйти за пределы предписанного.

Это и происходило в интервью с работниками администрации, связанными с социальным блоком. Здесь тоже признавались исключительные качества китайских рабочих, которые соглашаются работать по 18 часов в сутки и крайне неприхотливы в бытовом отношении. Но область «негатива» в этих интервью была существенно шире. Отмечалось, что граждане России, не выдерживая конкуренции, вытесняются из тех секторов, где работают китайцы. Прежде всего речь идет о строительстве, сельском хозяйстве, лесозаготовках. Соотношение 25% китайцев и 75% соотечественников выдерживается только на бумаге. В действительности же китайцы занимают свыше 80% вакансий на этом рынке.

Более того, вытеснив из данных сфер российских работников, китайцы постепенно начинают вытеснять и своих «хозяев». Через систему кредитов, инвестиций и заказов они сначала становятся совладельцами, а потом и реальными собственниками предприятий. При этом они

остаются добросовестными налогоплательщиками. Формальных оснований для приостановки деятельности их предприятий нет. Однако социальное напряжение в районах, где преобладают такие фирмы, стремительно возрастает. Вытесняются уже не только работники, но и инженерный корпус, менеджмент.

По мнению респондентов, сложившееся положение вещей несет в себе прямую угрозу экономической безопасности страны (еще один официальный дискурс). С потребностей рынка ЕАО и Дальнего Востока подобные фирмы практически сразу же переориентируются на потребности северных районов КНР. Тем самым территория ЕАО втягивается в экономическое пространство сопредельного государства, отрываясь от экономического пространства России. Выигрывая в краткосрочной перспективе, область *«проигрывает будущее»*.

Еще более категоричны «экологи». С их точки зрения, китайские предприятия наносят непоправимый ущерб природному комплексу ЕАО, ведь *«если человек временный, то он так и относится к территории»*. Основной причиной сложившейся ситуации эксперты считают отсутствие нормативной базы (федерального уровня), позволяющей должным образом регулировать вопросы природопользования и при необходимости применять штрафные санкции.

Примером может служить любая отрасль, связанная с добычей ресурсов. Схема проста. Создается новое предприятие. В соответствии с законом «О защите прав юридических лиц и предпринимательства» его запрещено проверять в течение первых трех лет с момента регистрации. Отработав сезон, выбрав все возможные ресурсы, причем речь идет не только о заявленной деятельности, но и о биологических ресурсах как на территории проводимых работ, так и вокруг, предприятие исчезает.

По закону учредитель не несет ответственности за деятельность созданного им юридического лица. В результате предъявлять претензии некому. В следующем году тем же учредителем создается новое предприятие, которое работает по аналогичной схеме. Таким образом, добыча ресурсов на территории ЕАО осуществляется в рамках действующего законодательства, но с грубейшим нарушением экологических норм.

Другими словами, инструментами деконструкции официального миграционного дискурса и актуализации местных особенностей в интервью с представителями власти выступали иные типы федерального дискурса: экономическая безопасность, экологическое состояние и т.д. Нетрадиционное совмещение дискурсов, независимо существующих в пространстве страны, и становилось дорожкой к артикуляции «особой ситуации».

Иные акценты прослеживаются в интервью с предпринимателями. С точки зрения этой группы респондентов, обойтись без китайских рабочих сегодня область не может. *«Где я возьму людей на стройку? Рожу? Их просто нет. Если завтра китайцы снимутся, то строительство всего остановится. Просто встанет»* (предприниматель, 58 лет).

Предприниматели не отрицали, что они охотнее возьмут на работу китайца, чем соотечественника. В качестве мотивов, диктующих такой выбор, фигурировали не только достоинства китайских работников, но и негативные качества работников из ЕАО. *«Ты сам посмотри: наши три рубля заработали, сразу за пузырем. Потом жди, пока они протрезвеют и похмелятся. Таких работников только от большой беды возьмешь. А китайцы — это совсем другое дело. Они с рассветом вышли, до заката отпахали. Никаких проблем»* (предприниматель, 52 года).

Впрочем, с китайскими рабочими тоже возникают проблемы, но связаны они главным образом с получением разрешений на привлечение таковых. *«Есть два способа получить квоту на ввоз китайцев. Один — убедить чиновника, что таких работников, как мне нужны, у нас в „еврейке“ нет. Здесь будет много проблем. Начнут твердить, что такие работники есть, что целое ПТУ таких готовит. То, что мне такие не нужны, что они работать не умеют, никому не объяснишь. Есть работник — значит, китайца не завезешь. Есть вариант проще — дать взятку»* (предприниматель, 41 год). Вполне понятно, что бóльшая часть опрошенных предпринимателей предпочитала второй вариант, трактуя подобную операцию именно как форму «совершенствования» наличного законодательства. Местные работники при этом однозначно оценивались как «негодные», а китайцы — как «спасители» и бизнеса, и экономики области в целом.

Вместе с тем интервью с предпринимателями, не использующими китайских работников, высвечивают оборотную сторону медали.

Квота на ввоз иностранных (китайских) рабочих, полученная за взятку, довольно слабо связана с реальной потребностью. Соответственно, при наличии тесных контактов с лицами, ответственными за выдачу квот, возникает возможность торговли китайскими рабочими. «Лишние» работники небезвозмездно передаются другим работодателям, причем те, как правило, используют их на основе устного найма.

В одном из интервью отмечается, что есть предприятия, специализирующиеся на этом виде деятельности. Они служат своего рода «кошельком» местных администраций. Последние не берут взятку напрямую, но обеспечивают конкретному предприятию благоприятный режим получения квот, тем самым вынуждая остальные предприятия области, нуждающиеся в иностранной рабочей силе, *«идти к нему на поклон»*. Само же привилегированное предприятие оказывается на диво «социально ответственным», участвуя в финансировании проектов администрации.

Привлеченные на основе устного найма китайские рабочие становятся «подарком» для работодателя. В тех случаях, когда они вообще не фиксируются в официальной отчетности, предприниматель избавляется от необходимости делать отчисления в социальные фонды, что приносит ему существенную экономию, даже если он платит гастарбайтеру не меньше, чем гражданину РФ. Но, даже будучи оформленными,

²⁵ Барсукова 2003.

китайские работники нередко получают на руки совсем не ту сумму, которая обозначена в договоре. В зависимости от соотношения номинальной и реальной зарплаты это может быть и формой уклонения от налогов, и способом увеличения «оклада» работодателя²⁵.

Однако предлагалась и иная трактовка ситуации, причем озвучивали ее как представители власти, так и предприниматели. Выделение квот на ввоз иностранных рабочих, по сути, является не столько экономическим, сколько политическим «жестом». При изменении политической конъюнктуры квоты могут быть уменьшены. Соответственно, предприниматели предпочитают «просить рабочих впрок» в расчете на то, что «дадут меньше». И если запрос выполняется в полном объеме, на предприятии «повисают» лишние работники. Именно в этом и кроется причина многих из описанных выше коллизий. «Ну куда мне их девать? Мне нужно 30 рабочих, а завезли 45. Откажешься, в следующем году просто не дадут квоты. Вот и крутимся. Это не бизнес. Так, небольшой гешефт» (предприниматель, 36 лет).

Не все так однозначно и с высокими деловыми качествами китайцев в противовес низким деловым качествам россиян. В ряде интервью отмечалось, что китайские работники предпочтительнее отечественных в ином отношении. В отличие от коренного населения, китайские рабочие в своем большинстве не ориентированы на длительное проживание в области (во всяком случае, так было до самого недавнего времени) и потому не нуждаются в детских садах, школах, в минимальной степени используют больницы и т.д. Иначе говоря, они гораздо меньше, чем местные жители, «нагружают» не только предприятия (о чем шла речь выше), но и социальную инфраструктуру.

В профессиональном плане местные работники не хуже своих иностранных коллег. Но для того чтобы использовать «китайский ресурс», необходимо доказать обратное. Так и формируется дискурс о тотальном пьянстве и профнепригодности жителей ЕАО. С помощью этого дискурса, ставшего чем-то само собой разумеющимся, обосновываются квоты на ввоз иностранных рабочих, приоритет китайских работников перед местными и т.д. В итоге местные работники, по существу, вытесняются из определенных сфер занятости. «Китайцы вытесняют нас. Уже почти выгоняют из своего дома. И всем плевать. Они всем удобны. Пашут, как муравьи, и ничего им не надо. В вагончике набьется 30 штук, и нормально. Посмотри, в поле ни одного нашего не увидишь. Люди хотят работать. Так нет. Только китайцы. Мы, говорят, бухаем только. Ага. Им так удобно говорить» (житель Смидовичского района ЕАО, 48 лет).

В условиях сельскохозяйственной области с крайне узким рынком труда столкновения между «своими» и «пришлыми» кажутся почти неизбежными. Тем не менее ни один из респондентов не упомянул об открытых конфликтах между местным населением и мигрантами из сопредельного Китая. Конфликтные ситуации если и возникают, то, как правило, с приезжими из «безвизовых» стран СНГ или с Северного Кавказа.

Разгадка, на мой взгляд, заключается в том, что выходцы из Центральной Азии и Кавказа вливаются в существующую структуру и начинают конкурировать с местным населением не только за низкооплачиваемые рабочие места, но и на уровне менеджмента, административного руководства. Наличие неформальных связей и использование полукриминальных систем «решения вопросов» делает их вполне конкурентоспособными в отношениях с местными жителями. Именно жесткость конкуренции и задает напряженность, порой перерастающую в открытое противостояние, как это было в 2010 г. в Октябрьском районе ЕАО.

Интересно, что подобные конфликты, практически не влияющие на ситуацию в области, активно обсуждаются на официальных совещаниях, по ним «принимаются решения» и «проводится работа». Причина очевидна: они полностью вписываются в господствующий тип дискурса, и именно на борьбу с ними и нацелены инструменты государства. То есть, не особенно значимое для области явление выводится на авансцену потому, что появление «криминальной» проблематики в миграционном контексте соответствует «духу и букве» официального слова.

Китайцы используют иную социально-экономическую стратегию. Причем, по мнению респондентов, это именно продуманная стратегия, а не случайно сложившийся набор поведенческих стереотипов. *«Они же все заодно. А финансирует их государственный банк. Это такая осознанная политика. Сначала рабочие, потом предприниматели. А там, смотришь, оно уже не наше, а китайское»* (преподаватель вуза, бывший военный, 51 год).

Хотя никаких враждебных действий со стороны китайских мигрантов не наблюдается (во всяком случае, никто из респондентов о них не говорил), напряженность имеет место. По интервью вырисовывается следующая картина. Сначала прибывают китайские рабочие, которые вытесняют местных работников, по сути ставя хозяев предприятий в зависимое положение. *«Если сегодня уедут китайцы, то завтра все строительство в области станет. Заменить их некому»* (глава строительной организации, 43 года). После этого появляются китайские бизнесмены, предлагающие российским партнерам инвестиции и «рационализацию» производства (как правило, в форме переориентации на китайский рынок²⁶) и одновременно дающие понять, что отказ приведет к серьезным проблемам с китайскими работниками. Предприятие юридически или фактически становится совместным. Китайский партнер занимается производством и сбытом, а его российский коллега обеспечивает контакты с властями и легальную форму существования бизнеса. Как справедливо отмечал В.В.Радаев²⁷, создание такой «правовой рамки» — крайне важная функция на предприятии. Но все более важной оказывается функция собственно организатора производства и сбыта. Мало того, к китайскому партнеру постепенно переходит и функция поддержания «легального тела» предприятия. В результате предприятие, вне зависимости от его правового статуса и формального

²⁶ См. Мишук 1999.

²⁷ Радаев 2003.

собственника, превращается в китайское, ориентированное на китайский рынок и китайскую же рабочую силу.

Со временем меняется и стратегия китайских граждан в отношении сроков пребывания в России. Наличие бизнеса и солидных материальных активов ставит на повестку дня вопрос о натурализации в ЕАО. Эта новация последних лет также нашла отражение в интервью. Еще недавно респонденты констатировали, что *«если бы китайцы относились к нам, как мы к ним, то никто бы туда не поехал»*. Сегодня почти все (за двумя исключениями) заявили, что вполне позитивно отнеслись бы к браку своей сестры или дочери с китайским гражданином.

Число таких браков специально не фиксируется. Соответствующие органы (ЗАГС, ФМС) лишь регистрируют факт их заключения, но не ведут по ним отдельной статистики. Тем не менее, судя по интервью, в последние годы их стало намного больше. И здесь оценки респондентов раздваиваются. Хотя, как уже говорилось, подавляющее большинство из них не имеет ничего против вступления в брак с гражданином КНР своей близкой родственницы, признавая домовитость китайцев, их любовь к детям, неприхотливость в быту, само явление вызывает напряжение и тревогу. *«Понимаете, их становится все больше. Это... видно уже невооруженным глазом. У них и детей рождается не один или два, а четыре-пять. А в такой семье рождаются не русские, а китайцы. Мы подсчитали, что достаточно 10 тысяч китайцев, натурализовавшихся в ЕАО, чтобы через 10—12 лет китайцы составили здесь большую часть населения. Не подумайте, это не страшилка. Это обычный подсчет»* (работник НИИ, 32 года).

По мнению многих респондентов, в области уже сформировалась структура, которая может существовать только с опорой на прилегающие территории Северного Китая. Более того, сфера «применения» китайского бизнеса постоянно расширяется. Это уже не только природные ресурсы (необходимые КНР), строительство и ЖКХ (необходимые жителям области). В 2010 г. на уровне правительства было принято решение об использовании китайских рабочих и сотрудничестве с китайскими предпринимателями в легкой и перерабатывающей промышленности. Иными словами, число зависимых отраслей еще больше выросло, по сути охватив все значимые сферы производства. На вопрос о перспективах области через 20 лет типичным был следующий ответ: *«Не будет области, к сожалению. Максимум протянет лет 5—8 и станет какой-нибудь Маньчжурией»* (предприниматель, 43 года).

В подобного рода заявлениях отчетливо слышны отзвуки господствующего дискурса недавнего прошлого. Разговоры о страшном южном соседе, тайно захватывающем российский Дальний Восток, были весьма популярны еще в начале «нулевых» годов. Именно этим местные власти обосновывали необходимость особого отношения к Дальнему Востоку. Позже на дискурсивном поле возобладали концепты, связанные с интеграцией в АТР и перспективностью «транзитного региона»²⁸. Но смена дискурса не привела к исчезновению проблемы, закодированной в предшествующем.

²⁸ Подробнее см. Бляхер 2010.

* * *

После краха идеи «еврейской страны» в 1936 г. ЕАО оказалась во всех отношениях странным образованием. Из массива Хабаровского края было вырвано несколько сельскохозяйственных районов с зачаточным уровнем развития промышленности. Масштабные проекты 1930—1970-х годов по индустриализации региона обошли их стороной. Сама ЕАО могла существовать только в тесном взаимодействии с хозяйством Хабаровского края (и отчасти Амурской области). В состав края она входила и юридически. Но в 1990-е годы ситуация изменилась. На ЕАО неожиданно обрушилась самостоятельность. В условиях формирования довольно закрытых и протекционистски настроенных региональных экономик это означало разрыв связей с сопредельными территориями РФ.

Возникло «слабое звено» Дальнего Востока, живущее на далеко не щедрые федеральные трансферты. В тот момент использование близости Китая было спасением. Предпринятая позднее попытка все-таки интегрировать область в ДФО особым успехом не увенчалась. ЕАО все глубже втягивалась в социально-экономическое пространство КНР, причем втягивалась вполне мирно и постепенно. Инструментом такого втягивания стала миграция. И в данном случае абсолютно неважно, была ли она результатом осознанной государственной стратегии КНР (хотя, скорее всего, так оно и было). «Пустота», обусловленная распадом социальных связей и оттоком населения, естественно заполняется «переполненным» соседом. Насколько этот процесс окажется типичным для региона в целом, покажет ближайшее будущее. Но именно таким он выглядит в восприятии и населения, и региональных властей.

Гигантский сосед просто по законам гравитации втягивает в себя слабые, малозаселенные районы ДФО. Втягивает отнюдь не политически, ведь тогда социальные обязательства региональной, да и федеральной власти по поддержанию жизнедеятельности территории неизбежно перетекут к китайскому руководству. Но создание параллельной экономики, ориентированной на КНР, порождает принципиально новую политическую ситуацию в регионе.

Без взаимодействия с КНР, в том числе без китайских трудовых мигрантов, ЕАО уже не выживет. В то же время понятно, что это взаимодействие не только «путь», «возможность» и «ресурс», но и проблема. Все более очевидно, что решать ее придется, причем решать политически. Но для того чтобы это решение могло появиться, наличная ситуация должна быть осмыслена, должны быть осознаны основания прежних стратегий. Однако господствующий тип дискурса этого не предполагает. Виртуальная гомогенность политического пространства пожирает реальную специфику регионов, препятствует выработке региональной повестки дня и условий для самоосмысления. Между практиками и их именованнием образуется зазор. Сложившаяся система имен, поддерживаемая политическими институтами, не позволяет возникнуть

концептуальному ряду, связанному с региональной реальностью. А потому единственная возможность учесть и описать эту реальность — это провоцирование и разрушение официального дискурса, официальной системы имен.

В текстах интервью можно выделить основной прием провокации официального (авторитарного, чужого) слова — создание непривычного контекста для его функционирования. Один вариант, используемый главным образом чиновниками, состоит в сопоставлении данного дискурса с иными, которые «в норме» с ним не пересекаются. Но хотя провокация и дезавуирование дискурса при этом происходят, их следствием становится не возникновение нового, а депривация и убеждение, что «Москва нас не понимает». Ведь экологический дискурс не заменяет миграционный, а другого миграционного (как и любого иного) в официальном пространстве просто нет.

Гораздо более продуктивной выглядит деконструкция путем совмещения официального и повседневного дискурсов. Ее можно усмотреть в интервью с жителями области, а также в некоторых интервью с предпринимателями. Однако здесь, чтобы новые смыслы могли сложиться в альтернативный политический дискурс, необходима их концептуализация — и пространство для такой концептуализации. Понятно, что представленная выше экспликация «региональных смыслов» проведена «искусственно», с помощью самой ситуации интервьюирования и политологического анализа. И все же, на мой взгляд, она не бесполезна. Напротив, именно научная рефлексия и научная статья и способны сегодня выступить пространством актуализации и концептуализации региональных смыслов.

Библиография

- Баньковская** С.П. 2004. Миграция, свобода и гражданство: парадоксы маргинальности // *Отечественные записки*. № 8.
- Бахтин** М.М. 1979. *Эстетика словесного творчества*. — М.
- Барсукова** С.В. 2003. Формальное и неформальное трудоустройство в России: парадоксальное сходство на фоне очевидного различия // *Социологические исследования*. № 7.
- Бляхер** Л.Е. 2005. *Нестабильные социальные состояния*. — М.
- Бляхер** Л.Е. 2010. Государство и несистемные сети «желтороссии», или Заполнение «пустого пространства» // *Полития*. № 1.
- Бляхер** Л.Е., Григоричев К.В. 2011. Мигранты и миграционная политика в постсоветской Сибири и на Дальнем Востоке // *Полития*. № 4.
- Бляхер** Л.Е., Соловченков С.А. 2009. Специфика трансформации рынка труда депрессивного региона (На примере Еврейской автономной области) // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 12. Вып. 1.
- Гельман** В.Я. 2001. «Столкновение с айсбергом»: формирование концептов в изучении российской политики // *Полис*. № 6.

Гельбрас В.Г. 1996. Самое слабое звено в экономической безопасности России // *Миграционная ситуация на Дальнем Востоке и политика России*. — М.

Григорьев М., Осинников А. 2009. *Нелегальные мигранты в Москве*. — М.

Гудков Л. 2004. К проблеме негативной идентификации // Гудков Л. *Негативная идентичность: Статьи 1997—2003 гг.* — М.

Замятин Д. и др. 2006. Управление образами: географические образы региональной власти, антитеррористические стратегии и внутренняя политика России // *Социологические исследования*. № 2.

Кабыткина И.Б. 2005. *Гражданское общество как источник формирования региональной политической элиты современной России*. Дисс. на соискание уч. степени к.полит.н. — М.

Калугина Г.В. 2010. Местная власть и трансформация дискурса «национальной политики» в постсоветскую эпоху (Случай Иркутска) // *Полития*. № 2.

Кириллова Е. 2004. Вынужденные переселенцы в России: оправдались ли надежды? // *Отечественные записки*. № 4.

Кушлина О.Б. 2000. Тихая моя родина: морфология двудомного растения // *Неприкосновенный запас*. № 2 (<http://magazines.russ.ru/authors/k/kushlina>).

Люхтерхандт Г., Рыженков С., Кузьмин А. 2001. *Политика и культура в российской провинции*. — СПб.

Мищук С.Н. 1999. Совместные предприятия с участием КНР на территории ЕАО // *Материалы научного семинара, посвященного 350-летию похода Е.П.Хабарова «Российское Приамурье: история и современность»*. — Хабаровск.

Мищук С.Н. 2010. Современные миграционные процессы в Еврейской автономной области // *Труды IV Всероссийского симпозиума по экономической теории*. Т. 3: Мезоэкономика. — Екатеринбург.

Мотрич Е.Л. 1999. Население Дальнего Востока и стран СВА: современное состояние и перспективы развития // *Перспективы Дальневосточного региона: Население, миграция, рынки труда*. — М.

Радаев В.В. 2003. *Социология рынков: к формированию нового направления*. — М.

Тейлор Ч. 2010. Что такое социальное воображаемое // *Неприкосновенный запас*. № 1.

Туровский Р.Ф. 2006. Региональные выборы в России: случай атипичной демократии. // *Технологии политики*. — М.

Тюркин М. 2004. «Иногда мы намеренно идем на ужесточение наказаний...» // *Отечественные записки*. № 4 (<http://www.strana-oz.ru/?numid=19&article=906>).

Ярулин И.Ф. (ред.) 2009. *Социальная реальность в региональном измерении: сборник научных трудов*. — Хабаровск.